

за оперативной обстановки в стране за 2023 г., в рамках которого установлен рост числа преступлений в сфере банковской деятельности и финансовых рынков. Наблюдается практически двукратное увеличение доли таких составов в общем числе выявленных преступлений за истекший год при соответствующем снижении показателей остальных направлений оперативно-служебной деятельности.

Список использованных источников

1. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.] ; под ред. М. В. Мясниковича, Л. С. Мальцева. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 557 с.

Дата поступления в редакцию: 22.04.2024

УДК 343.2/.7

*А. Д. Дарменов, кандидат юридических наук, начальник Костанайской академии
Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева
e-mail: a.darmenov@kpa.gov.kz*

О ПРИНЦИПАХ В ТЕОРИИ ПРАВА

Рассматриваются принципы как объект научного исследования в теории права и уголовно-процессуальной науке и исследуются для разработки теоретической модели уголовного судопроизводства, направленной на эффективное восстановление социальной справедливости. Анализируются сущность и роль принципов в правовой системе, включая их историческое развитие и разнообразие подходов к пониманию. Акцентируется внимание на влиянии принципов на формирование и практику применения в ходе досудебного производства. Выявляются ключевые проблемы в применении принципов, предлагаются пути их решения на теоретическом и практическом уровнях.

Ключевые слова: принципы, уголовное право, уголовный процесс, основные исходные начала, правоохранительная деятельность, противодействие.

*A. D. Darmenov, Candidate of Juridical Sciences, Head of the Kostanai Academy
of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbayev
e-mail: a.darmenov@kpa.gov.kz*

ON PRINCIPLES IN LEGAL THEORY

The article considers principles as an object of scientific research in the theory of law and criminal procedure science and investigates them for the development of a theoretical model of criminal proceedings aimed at effective restoration of social justice. The article analyzes the essence and role of principles in the legal system, including their historical development and diversity of approaches to understanding. Attention is focused on the influence of principles on the formation and practice of application in the course of pre-trial proceedings. The article identifies key problems in the application of principles and suggests ways to solve them at the theoretical and practical levels.

Keywords: principles, criminal law, criminal procedure, basic foundations, law enforcement, countering.

Принципы права сегодня занимают центральное место в юридической науке и практике, формируя основу правовой системы и определяя направления ее развития. Данные фундаментальные начала выступают не только теоретическим обоснованием существующих норм, но и руководством в правотворчестве и правоприменении. Как универсальные критерии справедливости, равенства перед законом и защиты основных человеческих прав и свобод принципы права являются неотъемлемой частью любой демократической системы, а их понимание в праве остается актуальным вопросом, который постоянно находится в зоне сосредоточения внимания юристов различных правовых отраслей на протяжении длительного времени.

Постоянное внимание к исследованию принципов, их содержанию в праве, на наш взгляд, определяется рядом факторов. Первым из них выступает специфика структуры права, место

принципов в ней и их соотношение с нормами права. Соответственно, даже незначительные изменения норм особенной и общей частей той или иной отрасли права детерминируют вопрос о необходимости изменения и норм-принципов права. Второй фактор связан с влиянием норм зарубежного права на отечественное законодательство. При этом цель зарубежных норм права заключается в изменении норм отечественного права, в том числе его принципиальных положений, и «приближении» его к стандартам англосаксонской правовой семьи.

Наличие и действие только этих двух факторов вносит в современную науку некую путаницу. Нельзя определить и назвать ни одной последовательной доктрины принципов права, которая бы смогла охватить собой все причины и факторы, являющиеся движущей силой существования принципов и их изменений на частном и системном уровнях. При этом практически все авторы начинают исследование содержания принципов с их этимологии, ссылаясь на словарь В. И. Даля, определяющий принцип как научное начало, основу, от которой нельзя отступить [1].

Более широкое толкование находим в краткой Российской энциклопедии, согласно которой принцип понимается:

как основное исходное положение какого-либо учения, теории, науки, мировоззрения, политической организации;

внутреннее убеждение человека, определяющее его отношение к действительности, нормы деятельности или поведения;

основа устройства или действия какого-либо прибора, машины [2, с. 1023].

Указанная трактовка имеет, с нашей позиции, исчерпывающий характер и так или иначе согласуется с аналогичными научными точками зрения лексического [3, с. 270] и философского понимания [4, с. 11]. Но наличие различных точек зрения о «принципе» не меняет его начального значения – «основа, главный» (с лат.).

На формирование современного содержания принципов права оказали влияние многие ученые. Так, С. С. Алексеев аргументирует, что принципы советского права сыграли ключевую роль в укреплении социалистической законности, обеспечивая не только правовую, но и морально-этическую основу развития общества. Ученый подчеркивает их значимость в стимулировании социального прогресса и поддержании общественного порядка, формировании правосознания граждан и их участия в управлении государственными и общественными делами [5, с. 34]. Анализируя правовую систему, В. С. Нерсисянц акцентирует внимание на взаимосвязи и взаимовлиянии права и закона в контексте общественного устройства и правовой культуры; определяет принципы не только как теоретические постулаты, но и как практические инструменты, обеспечивающие гармонизацию и координацию между различными правовыми нормами и институтами, способствуя их эффективной реализации в социальной жизни [6, с. 48]. В контекстуальном анализе М. И. Байтиным выявлено действие принципа как интегративного механизма, обеспечивающего взаимодействие между правовыми и моральными аспектами общественной жизни, а также то, что такое взаимодействие оптимизирует процесс регуляции, способствуя эффективному управлению социальными связями и обеспечению функционирования системы регулирования [7, с. 73–75]. В области уголовного права М. Д. Шаргородский один из немногих связывает отраслевое понимание принципов с полным соответствием их теоретического понимания [8, с. 18]. Анализ указанных научных взглядов позволяет заключить, что у всех троих авторов обозначенные ими обстоятельства стоят во главе всех прочих рассуждений о сущности принципа в юриспруденции. При этом другие рассматриваемые учеными элементы значения принципов в праве значительно разнятся, и это не позволяет остановиться только на одном критерии как на исчерпывающем в определении принципа. А в целом и В. С. Нерсисянц, и М. И. Байтин, и Д. М. Шаргородский не смогли «отойти» от понимания принципа в контексте «начала, идеи, положения, основы».

Аналогичная картина наблюдается при изучении сущности принципа с позиции гражданского права. Так, С. Ф. Афанасьев [9, с. 39], С. В. Щепалов [10, с. 66], Г. Л. Осокина [11, с. 114], придерживаясь одной из указанных позиций, оспаривают точку зрения друг друга в том, что трактовка принципов как идей, начал, положений и основ является наиболее устойчивой.

Исключительной можно назвать позицию Е. Е. Чередниченко, которая полагает, что суть принципа должна раскрываться через категорию «требование» [12, с. 5–6]. Скорее всего, такое мнение связано со свойством «общеобязательность». Сходной точки зрения придерживается

Е. А. Ершова, считая такие принципы наиболее общими правовыми средствами регулирования отношений в обществе [13, с. 26]. Исключительность мнения В. Н. Протасова можно назвать «венцом» приведенных ранее позиций. Ученый полагает, что принципы права есть информационное отражение в праве основных связей, реально существующих в правовой системе, и предлагает различать принципы-идеи, олицетворяющие собой информационную систему, идейное отражение объективно имеющихся связей в механизме и объекте правового регулирования [14, с. 47].

Именно последние позиции вызывают наибольший интерес, так как частично отражают логику определения признаков принципов как таковых и их предназначение. Таким образом, можно выделить три основных признака принципа – общеобязательность, регулятивность, отражение социальной реальности. И здесь, на наш взгляд, выделение в качестве доминирующего одного из указанных признаков при определении понятия принципа неразумно.

При этом, несмотря на немногочисленность исследований по данному вопросу, можно выделить минимальное количество признаков, число которых увеличивается с появлением частных исследований отдельных принципов и их свойств [15, с. 285]. Общее количество таких признаков в среднем около шести. К ним относятся:

отражение в сжатой форме наиболее важных и прогрессивных сторон экономической, политической, идеологической и нравственной сфер общественной жизни;

фиксация (прямая или косвенная) в действующем законодательстве (прежде всего в Конституции);

наличие значительной устойчивости и системообразующих свойств;

копирование своеобразия национальной правовой системы;

самостоятельное регулятивное значение;

исполнение роли своеобразного руководящего начала для правотворческой, правоприменительной, правоохранительной, интерпретационной и иной юридически значимой деятельности [16, с. 51].

Поверхностный анализ перечисленных признаков позволяет указать на наличие существенных претензий к перечисленным признакам. Кратко обозначим наши замечания. Итак, исходя из анализа первого признака можно предположить, что принципы отражают прогрессивные стороны социума. Вместе с тем это утверждение предполагает два следствия. Первое – данное отражение носит тотальный характер и включает в себя все стороны социального бытия (экономическую, политическую, идеологическую и нравственную). Однако такой комплекс не содержится ни в одной структуре принципов. Например, уголовно-процессуальные принципы не затрагивают экономической составляющей регулирования жизнедеятельности человека и общества. Второе – принципы отражают не все стороны социального бытия, а только некоторые. Но возникает вопрос о критериях данной избирательности, что делает сам процесс такого отражения бессмысленным.

Второй критерий также можно оспорить, при этом детали спора со всей очевидностью проявляются в параллели терминов «принципы уголовно-процессуального законодательства» и «принципы уголовно-процессуального права».

Поспорить также можно и относительно третьего критерия. Здесь претензия касается спорности понятия «системность» и отсутствия четкой характеристики понятия «устойчивость». Нет ясности в том, каким образом проявляется копирование своеобразия национальной системы права, так как суть этого права составляют как раз сами принципы в качестве формирующих право исходных начал.

В таком плане любые нормы как логические предпосылки или условия действия последующих норм отражают данное своеобразие и определяют его. В свою очередь, замечания к позиции о выполнении принципами роли руководящего начала и наличии у них регулятивного значения заключаются в том, что аналогичную роль играют абсолютно любые нормы права, так как ими руководствуются при принятии решений, а сами принципы при этом играют регулятивную роль.

По нашему мнению, понимание сущности принципа как положения, общего начала, основы является сегодня наиболее устойчивым, что обусловлено синонимическим характером предложенных понятий, отождествляемых с латинским «*el principio*», и слабо опровергаемо прочими «свойствами» принципов, выделенных названными авторами. Здесь ни один из обозначенных

нами выше признаков принципов не противоречит пониманию принципов именно в качестве начал, одновременно являясь для всех них общим условием. Именно поэтому понимание принципов как наиболее общих правовых абстракций является оптимальным и стабильным. Фактическая составляющая дискуссии о принципах права как субъективных или объективных началах основывается на положениях, определяющих взаимозависимость правовой действительности и диалектического познания. Здесь, с точки зрения их объективного понимания, принципы воспринимаются как нечто стабильное, не зависящее от субъективной трактовки.

Проведенный анализ мнений ученых приводит к выводу о том, что принципы – скорее, объективная категория, чем субъективная. И довод в данном случае заключается в том, что принцип как теоретико-правовая категория не может существовать вне бытия и зависит от интерпретации действительности. В данном плане абсолютно любая правовая категория есть суть категории субъективная. Но это не делает его абсолютно субъективным в контексте личной трактовки, так как принцип в теории и практике правоприменения – это разные постулаты. В теории это комплекс рассуждений об их существовании с точки зрения общеправового предназначения. На практике принцип является основой построения законодательства, выраженный объективно, соответственно, являющийся категорией объективного характера. Рассуждения о субъективности или объективности принципов влекут за собой дискуссию об их нормативности или ненормативности. При этом логика заключается в том, что субъективный характер принципов предполагает отсутствие необходимости их закрепления в законе, так как их теоретическое понимание во всем многообразии трактовок само по себе выступает его содержанием.

Отметим, что нормативность принципов, рассматриваемая нами в качестве одного из следствий критерия, признака, свойства субъективности–объективности, является важной составляющей в понимании принципа как самостоятельного признака в целом. Вместе с тем точка зрения о нормативном характере принципов имеет противников, утверждающих, что принципы носят очевидно ненормативный характер, а их закрепление в качестве норм есть фикция [17, с. 37]. Сложность такой дискуссии отягощается еще и тем, что сама нормативность основывается на существовании разного вида норм, отличающихся друг от друга характером и степенью абстрагирования. Данные нормы позволяют классифицировать их на дефинитивные и декларативные, различного рода установки, нормы-конструкции, статутные нормы и т. п. В таком контексте существование и понимание принципов как изначальных основ и идей становится достаточно спорным. Об этом свидетельствует факт трактовки принципов с точки зрения дефинитивных норм, так как само понятие не может быть основным началом и идеей.

Например, ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе» определяется более 50 норм дефинитивного характера, из которых ни одну нельзя назвать нормой, выражающей какую-либо идею. Существуют и проблемы их однозначной трактовки как деклараций или установок, определяемых степенью конкретизации содержания нормы. В результате данные проблемы не позволяют отнести принципы к какому-то конкретному виду норм, что во многом связано и с несовершенством классификации принципов в целом. Вместе с тем мы полагаем, что принципы должны объективно отражаться в праве и как теоретическая категория обладать нормативностью. В подтверждение приводим следующие аргументы:

выраженные нормативно принципы лишены свойства общеобязательности, признаваемого большинством исследователей;

принципы как абстракции разного уровня могут функционировать только в совокупности всех норм «принципиального» и «непринципиального» характера, следовательно, первые должны быть объективно выражены;

объективность принципов в целом заключается в том, что без их законодательного выражения они не могут являться категорией однозначного толкования, что делает их бесполезными.

Следующий пункт о субъективности или объективности принципов – это вопрос об их общеобязательности. Эта категория характерна не столько для принципа, сколько для характеристики права в целом. По сути, общеобязательность является свойством права, так как без него оно превращается в набор имманентных представлений. Обеспечивается общеобязательность принуждением и является продолжением феномена власти. С такой точки зрения, принцип, равно как и любая норма, является общеобязательным именно в качестве элемента права и не более.

Специфическими условиями общеобязательности принцип не обладает, и нет оснований полагать, что признак общеобязательности по отношению к принципам в рассматриваемом нами контексте вообще существует.

Наиболее важным в характеристике принципа мы считаем элемент направленности как своеобразный вектор построения права. Это связано с действием принципов в качестве основ и начал по отношению к ряду последующих норм, вытекающих из содержания принципа. Наглядно данный тезис выразила З. С. Байниязова. По ее мнению, «принципы могут выступать и в качестве правил поведения, стоящих в императивном смысле выше предписаний частного уровня и значения, определяющих содержание целых групп норм права, правовых институтов, что обеспечивает логичность, единство и стабильность правового регулирования общественных отношений» [18, с. 125]. Здесь принципы призваны выступать в качестве условий и правил построения всех последующих норм, как основ права.

Однако такая позиция влечет за собой логические выводы, существенно нарушающие другую позицию о сущности принципов: принципы есть правила или нормы прямого действия, распространяющиеся на весь комплекс составляющих отраслевое право норм. Во многом такая аргументация основана на несовершенстве законодательства, когда правоприменитель вынужденно должен обращаться к принципам права – нормам прямого действия. Между тем на уровне причинности в действительности это не так. Содержание изученных уголовных дел позволяет утверждать, что ни в одном из них, мотивация которых основана на примате принципов над конкурирующими нормами или просто соблюдении принципов, решений нет. В абсолютном большинстве случаев в качестве данного обоснования приводились конкретные нормы, которые нельзя назвать нормами-принципами. Более того, не исключая несовершенства законодательства, необходимо учитывать, что такое прямое руководство вызвано многочисленными ошибками, связанными с развитием в конкретных нормах самих идей, по сути выраженных нормами-принципами.

Здесь логическая цепь сужения абстракции от нормы к норме, ее качество определяют возможность реализации самого принципа, основных идей и предназначения права. И поэтому наличие противоречий между нормами и отдельными положениями норм связано именно с тем, что законодатель в должной мере не следовал логике направленности принципов как начал права. Этой причиной обуславливается и наличие пробелов в правовом регулировании тех или иных общественных отношений. Как следствие, возникающая конкуренция связана с противопоставлением норм-принципов как векторов конструирования права пониманию принципов как норм-принципов прямого действия. Принимая во внимание качественность правотворческой реализации той или иной идеи, выражаемой как принцип, видится логичным, что такая качественность предполагает и беспробельное, непротиворечивое состояние всех прочих норм, реализующих данную идею.

В заключение следует подчеркнуть, что изучение принципов в теории права представляет собой не только академический интерес, но и имеет важное прикладное значение.

Проведенное исследование открывает перспективы для дальнейших научных работ в области правоохранительной деятельности. В частности актуальным направлением для исследований является анализ изменений в правоприменительной практике, вызванных эволюцией правовых принципов, а также изучение влияния международного права на формирование и развитие принципов на национальном уровне.

Список использованных источников

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – изд. 3-е, испр. и доп. – СПб. – М. : Т-во М. О. Вольфа, 1907. – Т. 3. – 893 с.
2. Краткая Российская энциклопедия : в 3 т. / сост. А. Карев. – М. : Оникс, 2004. – Т. 2 : К–Р. – 1135 с.
3. Современный словарь иностранных слов / сост. Л. П. Крысин. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 416 с.
4. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 569 с.
5. Алексеев, С. С. Структура советского права : моногр. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1975. – 264 с.
6. Нерсесянц, В. С. Право и закон : моногр. / В. С. Нерсесянц. – М. : Наука, 1983. – 362 с.
7. Байтин, М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) : моногр. / М. И. Байтин. – Саратов : СГЮА, 2001. – 416 с.

8. Шаргородский, М. Д. Принципы советского уголовного права // Курс советского уголовного права / М. Д. Шаргородский ; отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 648 с.
9. Афанасьев, С. Ф. Гражданское процессуальное право: учебник для академического бакалавриата / С. Ф. Афанасьев, А. И. Зайцев. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 522 с.
10. Щепалов, С. В. Гражданский процесс: лекции / С. В. Щепалов ; под ред. Б. К. Таратунина, Е. С. Рочевой. – М. : Норма : Инфра-М, 2013. – 351 с.
11. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / Г. Л. Осокина. – 3-е изд., перераб. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 703 с.
12. Чередниченко, Е. Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации: понятие, система, проблемы законодательной регламентации / Е. Е. Чередниченко. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 179 с.
13. Ершова, Е. А. Правовая природа принципов процессуального права / Е. А. Ершова // Рос. правосудие. – 2014. – № 9. – С. 21–29.
14. Протасов, В. Н. Что и как регулирует право : учеб. пособие / В. Н. Протасов. – М. : Юрист, 1995. – 95 с.
15. Теория государства и права : учебник / С. И. Архипов [и др.] ; отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1996. – 558 с.
16. Большой юридический словарь / А. В. Малько [и др.] ; под ред. А. В. Малько. – М. : Проспект, 2009. – 702 с.
17. Скурко, Е. В. Принципы права : монография / Е. В. Скурко. – М. : Ось-89, 2008. – 189 с.
18. Байниязова, З. С. Соотношение принципов права и принципов правовой системы России / З. С. Байниязова // Принципы российского права: общетеоретический и правовой аспекты / Н. И. Матузов [и др.] ; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов, 2010. – 701 с.

Дата поступления в редакцию: 27.05.2024

УДК 342.9

*А. В. Жидков, адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
e-mail: arturhk93@mail.ru*

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Акцентируется внимание на поиске решений по совершенствованию института освобождения от административной ответственности с учетом минимизации возлагаемых на правонарушителя дополнительных обременений и соблюдения законных интересов потерпевшего лица. Подчеркивается, что в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях не в полной мере реализованы возможности восстановления социальной справедливости в случае совершения административного правонарушения без применения санкционного воздействия. Предлагаются меры совершенствования института освобождения от административной ответственности путем внесения в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях дополнений, связанных с некоторыми элементами деятельного раскаяния.

Ключевые слова: освобождение от административной ответственности, деятельное раскаяние, добровольное возмещение ущерба, добровольное устранение вреда, прекращение противоправного действия, явка с повинной, сообщение о совершенном правонарушении, оказание содействия.

*A. V. Zhidkov, Postgraduate Student of the Scientific and Pedagogical Faculty
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: arturhk93@mail.ru*

ACTIVE REPENTANCE AS A BASIS FOR EXEMPTION FROM ADMINISTRATIVE LIABILITY

The article focuses on the search for solutions to improve the institute of exemption from administrative liability taking into account the minimization of additional burdens imposed on the offender and observance of legitimate interests of the injured person. It is emphasized that the Code of the Republic of Belarus on Administrative Offences does not fully realize the possibilities of restoration of social justice in the case of committing an administrative offense without sanctioning. The author proposes measures to improve the institute of exemption from administrative